

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4378662>

УДК 378 (470)

Пустовойт И.С.

Пустовойт Иван Сергеевич, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. E-mail: botanpustovoit@gmail.com.

Открытие университетского Благородного пансиона в Санкт-Петербурге: уступка сословности или пропаганда учености?

Аннотация. В статье рассматривается история создания Благородного пансиона при Главном Педагогическом институте. На основе изучения архивных материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Рукописного отдела Пушкинского дома (РО ИРЛИ РАН), воспоминаний современников показана деятельность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова по реорганизации обучения в Главном Педагогическом институте в перспективе его преобразования в университет.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Благородный пансион, Главный Педагогический институт, реформы просвещения в первой четверти XIX века.

Pustovoit I.S.

Pustovoit Ivan Sergeevich, Institute of History, St. Petersburg State University. 199034, Russia, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5. E-mail: botanpustovoit@gmail.com.

Opening of the University Noble Boarding School in St. Petersburg: concession of class status or promotion of scholarship?

Abstract. The article discusses the history of creation of the Noble boarding school at the Main Pedagogical Institute. Based on the study of archival materials of the Russian state historical archive (RSIA) and the Manuscript Department of the Pushkin house (RO IRLI RAS), memoirs of contemporaries, the work of the Trustee of the St. Petersburg educational district S. S. Uvarov on the reorganization of education at the Main Pedagogical Institute in the future of its transformation into a University is shown.

Key words: Saint Petersburg University, Noble boarding school, Main Pedagogical Institute, educational reforms in the first quarter of the XIX century.

Начальный этап правления Александра I – это время несбывшихся надежд, постоянных проб и исканий, «недомер», которые вызывали только негодование у современников, ждавших гораздо более решительных действий [6, с. 249-299]. Тем не менее, важные необратимые реформы все же последовали, например, в

сфере образования: утверждены университетский и школьный уставы 1804 г., согласно которым в университеты, гимназии и уездные училища был открыт доступ разночинцам, выходцам из духовенства и даже государственным крестьянам, которые теперь могли сидеть за партой вместе с дворянскими детьми, что по тем време-

нам было неслыханной мерой. Некоторые администраторы просвещения относились к этой мере с открытой симпатией. Так, например, С.С. Уваров, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1811-1821 гг., критически относился к сложившимся традициям и формам образования дворянской молодежи, особенно высшей аристократии своего поколения. Он считал, что каждый человек независимо от происхождения имеет право на образование и должен иметь возможность его получить. Позиция С.С. Уварова заключалась в том, что образование – это основа национального самоопределения, которая способствует развитию цивилизационного уровня народа, его духовному совершенствованию [13, с. 16-22]. Главной проблемой представлялась ему позиция самих дворян, игнорирующих серьезное образование, которые «старались избежать обучения вовсе или сократить его срок, предшествовавший поступлению на службу, или же выбирали менее обременительные, пропитанные французским духом пансионы» [8, с. XI]. Уваров, как и другие прогрессивные русские мыслители, считал, что на государственную службу следует принимать, прежде всего, потомственных дворян, но допускал, что талантливые представители средних слоев могут подниматься по социальной лестнице, получая образование в одном учебном заведении с дворянами.

Однако вторая половина царствования Александра I была омрачена поворотом в сторону консерватизма во внутренней, в том числе университетской политике. На рубеже 1810-1820-х гг. императору и руководителям Министерства духовных дел и народного просвещения повсюду виделась опасность проникновения «тлетворных» идей, поэтому начался поиск способов воспрепятствовать подобным «пугающим» явлениям. Естественно предположить, что именно в столице правительство стремилось оградить элиту от «разлагающего» влияния духа времени, защитить интересы дворянства, ограничив доступ разночинцев к государственной службе.

Ко времени открытия Благородного пансиона при столичном Главном Педагогическом институте (далее – ГПИ), по аналогии с университетскими Благородными пансионами, попечителем округа С.С. Уваровым было сделано многое для того, чтобы подготовить почву для образования в Петербурге полноценного университета. В ГПИ были созданы новые кафедры, приглашены перспективные иностранные и отечественные профессора, читались внешние курсы лекций для чиновников. Тем не менее, открытию университета постоянно что-то мешало. Е.М. Косачевская в свое время высказала мысль о том, что «именно в сословной политике дворянского государства и коренилась основная причина, по которой правительство Александра I отказывалось от открытия университета в столице в начале XIX века». Университет в административной столице империи представлялся чем-то опасным: «Университет все умы приводит в движение, поэтому и нежелателен в столице» [4, с. 8].

Выражением сословной политики правительства Александра I было создание закрытых элитных учебных заведений типа Царскосельского лицея и благородных пансионов при университетах, лицеях и некоторых гимназиях. В связи с этим чрезвычайно важным событием для столичного учебного округа стало открытие Благородного пансиона (далее – БП) при Главном Педагогическом институте в сентябре 1817 г. Инициатором открытия БП стал министр А.Н. Голицын, который представил обширный доклад, касающийся вопросов образования в Российской империи. Однако очевидно, что основу доклада составили идеи проекта, ранее предложенные С.С. Уваровым министру. В докладе говорилось, что «постоянное и деятельное попечение Его Императорского Величества о распространении просвещения в России благословляется ощутительными успехами», так как поощрение образованных молодых людей в их стремлении на государственную службу умножило в родителях желание воспитывать своих детей в государственных учебных заведениях [9, л. 28].

Министр констатировал, что все казенные заведения наполнены учащимися, а все «щедроты» Государя не справляются с возросшим запросом на образование, поэтому в столице учреждается под покровительством правительства новое заведение для детей из благородных семей.

Основание пансиона предусматривалось уже 5-й статьей устава ГПИ, которая устанавливала за ним право образовывать при себе пансион, в котором бы «студенты института имели возможность испробовать свои теоретические познания на практике, испробовать свои педагогические силы и обрести некую опытность, особенно необходимую в столь важном и сложном деле, как обучение и воспитание детей» [11, стб. 830]. Министр обязал попечителя составить проект положения для пансиона при ГПИ, основываясь на уставах аналогичных пансионов при Московском университете и Императорском Царскосельском лицее. О наборе в пансион дворянских детей было дано объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях». В результате, 1 февраля 1817 г. в пансион было зачислено 50 первых воспитанников [9, л. 29].

Министерство намеревалось поднять престиж государственной службы в глазах дворян, предполагая введение семи специальных льгот для БП. Прежде всего, преподаватели и чиновники пансиона, наделенные «правом пользоваться всеми преимуществами действительной государственной службы» получали высокий статус. Министр дал указание ввести в уставные документы пансиона возможность законным образом производить сотрудников пансиона, состоящих ниже 7-9-го классов в высшие чины по «Табели о рангах». Пенсионное обеспечение одинаково распространялось на чиновников ГПИ и чиновников пансиона. Согласно пункту 4 проекта Голицына, выпускники пансиона, получившие аттестат об образовании, при поступлении на гражданскую службу могли претендовать на чины от 14-го до 10-го класса, а на военной службе «6 месяцев служить в низших званиях и потом поступать в офицеры». Для поощрения воспи-

танников «к большому прилежанию» предписывалось награждать отличившихся медалями, книгами и другими знаками, которые изготавливались за счёт средств пансиона. В пункте 6 проекта Голицына предлагается «воспитанников, окончивших полный курс учения, производить в высшие чины, не подвергая больше испытаниям». Итоговый 7-й пункт предполагал ношение для чиновников и воспитанников БП мундира Санкт-Петербургского учебного округа, «с разделением по общему положению».

На основании этих предложений, инициаторов С.С. Уваровым, в июне 1817 г. исполнявший в тот момент обязанности попечителя Санкт-Петербургского округа М.А. Салтыков подал А.Н. Голицыну проект для Вольного пансиона с запиской о преимуществах, запрашиваемых для этого пансиона [9, л. 1-2, 38], который был министром одобрен. Содержательная часть проекта (Положения) была подготовлена директором БП Д.А. Кавелиным совместно с исполняющим обязанности попечителя М.А. Салтыковым и состояла из 5 глав и 65 параграфов, где представлены структура пансиона и возложенные на него задачи [2, с. 57-65; 1, с. 80-96; 12, с. 3-27; 5, с. 30-43].

По «Положению» регламентировалось внутреннее устройство Пансиона. Во главе его стояло Правление, состоявшее из директора, инспектора и его помощника, во главе которого стоял директор, одновременно являющийся директором ГПИ. В 1817-1824 гг., первым директором БП был Д.А. Кавелин. Инспектор пансиона назначался министром народного просвещения, а его помощник – попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Первым инспектором пансиона был надворный советник А.А. Линдквист. Помощником инспектора в 1817 г. стал экстраординарный профессор А.И. Галич. Правлению БП вверялось внутренне управление и контроль за его деятельностью. В компетенцию Правления также входило: утверждение правил для набора воспитанников, организация учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности, разработка учебного

плана. Согласно «Положению», в БП принимались дети благородных родителей в возрасте от 7 до 17 лет, число пансионеров определялось в 100 человек, а на первый случай ограничивалось «по удобствам помещения». Обязанности непосредственного надзора за ходом обучения и поведением воспитанников осуществлялись классными или комнатными надзирателями (п. 6). § 29 предусматривал, что все воспитанники расселялись по комнатам по возрасту, по 2-3 человека. Дежурный надзиратель должен был ночевать в спальнях воспитанников, в дневное время строго наблюдать, чтобы воспитанники не заходили в спальни, носили одежду по всем правилам формы, держали ее всегда в порядке, чистоте и опрятности. Все вещи воспитанники получали за счёт казны. Среди них, шинель, фрак, фуражка с лакированными козырьком, жилет, пара башмаков и сапог, подгалстучник, простыни и наволочки, пара замшевых перчаток, подтяжки [9, л. 47о]. В то же время обучение в пансионе было платным и стоило довольно дорого – 1500 рублей в год.

Согласно «Положению», в БП устанавливался четырехлетний срок обучения, существовало разделение предметов на обязательные и необязательные, к последним относился английский язык и почти все искусства (музыка, пение, танцы, фехтование). Далее, весь курс по характеру и важности обучения делился на старший (I и II классы) и младший (III, IV и V, подготовительный, классы). В старших классах преподавались: закон Божий, логика и нравственная философия, права, политическая экономия, математика, военные науки, физика и химия, естественная история, география и статистика, история, искусства: архитектура, рисование, черчение, пение, фехтование, танцы, а в младших – краткий катехизис, Священная история, грамматика, словесность греческая, латинская, российская, немецкая, французская, английская. В «Положении» закреплялось правило, по которому воспитанник, исключенный из пансиона, не имел права на

восстановление для продолжения обучения [9, л. 47г, 47ж-з, 47и].

Относительно здания для размещения БП М.А. Салтыков предложил министру Голицыну три варианта. Он планировал разместить пансион в доме надворного советника Отта, который находился на Фонтанке, ниже Калинкина моста, как «имеющий все возможные выгоды, как по количеству и расположению комнат, так и по большому при нём саду. Главный корпус имел «от 16 до 18 саженой, в два этажа, а далее простираются два флигеля, каждый саженой на 15, также в два этажа. Сверх того, на дворе два деревянных флигеля, из которых в одном хорошая баня и прачечная, а в конце сада ещё два домика» [9, л. 39-40]. Он планировал провести реконструкцию усадьбы Отта, полагая что «никакой частный дом не может быть обращён в учебное заведение без переделок» и предоставил общую смету расходов на сумму 5000-6000 руб.

Второе предложение – дом князя Лобанова – большой дом на Фонтанке между Невой и Семёновским мостом, на перестройку которого необходимо было потратить гораздо большую сумму денег – 20000 руб. Третий вариант – дом Кусовникова на Екатерининском канале, который был определен как неудобный, потому что «при нём самый тесный двор, на котором не только в рекреационные часы негде будет воспитанникам прогуляться, но даже и дрова едва поместиться могут» [9, л. 40].

При поддержке попечителя, Д.А. Кавелин избрал для размещения пансиона дом Отта (современный адрес: Фонтанка, 164). Он рассчитывал арендовать этот дом выгодно на 4 года, употребляя деньги на его переделку по частям, отдельную сумму полагалось внести за флигель дома, который должен был освободиться в 1818 г. Местность, примыкающая к Екатерингофу, считалась городской окраиной, цены на недвижимость не были высоки, в то же время местоположение было удобным из-за сада, «весьма нужного» и просторного двора. Поэтому министр Голицын дал разрешение на аренду дома Отта за 1000

рублей, с последующей его реконструкцией на сумму до 6000 рублей «с надлежащим расчётом за флигель, который занимает теперь посторонний наёмник [9, л. 41-42]. Уже в октябре 1817 г. пространство пансиона было расширено за счет правого флигеля дома, который до этого арендовал нарвский купец 1-й гильдии Гольм [12, с. 52].

1 сентября 1817 г. состоялось торжественное открытие Благородного пансиона при Главном Педагогическом институте. Об этом писал в своих мемуарах Н.А. Маркевич: «Итак, 1-е сентября был день открытия. Множество народа, родители определяемых детей, духовенство, профессора, директора других учебных заведений съехались в 11 часов утра. Церемония началась в 12 часов дня с молитвы и освящения здания, затем с речью выступил директор Д.А. Кавелин. Родители смогли осмотреть классы и дортуары. Во время торжественного завтрака пили за здоровье Императора, семьи его, посетителей [пансиона], министра духовных дел и народного просвещения, покровителя пансиона князя Алексея Николаевича Голицына и воспитанников. В особенности обратил мое внимание Михайло Александрович Салтыков, бывший за министра. Отправили молебен, обошли и окропили святою водою дом. <...>; директор прочитал устав заведения, список учителей, гувернеров и учеников; прочитал речь, в которой были какие-то «драгоценные залюби и нежности родителей», дал всенародный обет любить нас как собственных детей. В Уставе было сказано, что у нас будет всякой день поутру и вечеру чай, за обедом три блюда, за ужином два, а по праздникам четыре и три; потом исчислено платье и белье, какое для каждого из нас назначается; в заключение сих благосклонных обетов объявлено, что и «наказания будут принятые в благоустроенных заведениях». Эта фраза показалась «малоутешительна своею неточностью» [10, л. 5-5об].

С открытием Благородного пансиона сам ГПИ стал привлекателен для дворян-

ской молодёжи, тем более что на казенное содержание в пансион могли попасть и дети малосостоятельных дворян, не получивших систематического образования. По указу 1818 г. он был уравнен с пансионом при Московском университете в праве выпускать своих воспитанников в чинах от 14 до 10 классов. Воспитанники БП получили право продолжить своё образование в одном из отделений ГПИ, минуя приготовительный курс [7, с. 18-19]. С этого времени интерес дворян к ГПИ значительно возрос. В пансион их привлекал достаточно упрощенный порядок поступления и отсутствие требования сдавать многоуровневые выпускные экзамены, предписанные студентам ГПИ (а затем университета). Создавая это учреждение, Уваров целенаправленно шёл навстречу дворянству, которое прежде последовательно уклонялось от обучения вместе с простолюдинами, выбирало военное образование или домашнее обучение. Более того, на БП распространялся статус университетского учебного заведения, поскольку в старшем классе дисциплины читались университетскими профессорами. Здесь в 1820-х гг. преподавали М.А. Балугьянский, Э.-Б. Раупах, А.П. Куницын, К.И. Арсеньев, Ф.Б. Грефе, Я.В. Толмачёв, Т.О. Рогов. БП воспринимался как высшее учебное заведение и предназначался для подготовки исключительно дворян к университету. Благородный пансион связал с историей Петербургского университета имена целой плеяды выдающихся представителей российского просвещения, таких как: М.И. Глинка, Н.А. Маркевич, Л.С. Пушкин [5, с. 30-43]. В то же время, БП и ГПИ (а в будущем университет) представляли собой сообщающиеся сосуды [3, с. 219-220]. БП – более многочисленный и престижный, как бы «оттягивал» на себя именно тех, кто «мог себе позволить учиться за собственный счёт», что было не лучшим следствием создания сословного учебного заведения под одной крышей с университетом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.
2. Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817-1830 гг.): организационная структура и повседневная жизнь // Клио. 2017 (10). С. 57-65.
3. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. Москва: Новый хронограф, 2018. 576 с.
4. Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1971. 272 с.
5. Косачевская Е.М. Н.А. Маркевич (1804-1860). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 286 с.
6. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 - 1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
7. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 1998. 388 с.
8. Рождественский С.В. Первоначальное образование С. Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. III-CXLVII.
9. Российский государственный исторический архив. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 185: Дело об учреждении при Главном Педагогическом институте дворянского пансиона. 22 июня 1817 г. 10 февраля 1818 г. 95 л.
10. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). РАНРО ИРЛИ РАН. Ф. 488 (Н.А. Маркевич). Оп.1. Д. 82: Дневник Н. А. Маркевича. 1817-1820. 123 л.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1825. СПб., 1864. 1864 стб.
12. Соловьев Д.Н. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Первой гимназии. СПб.: Типография 2-ого отделения Е.И.В., 1880. 424 с.
13. Уваров С.С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 608 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vitteker C.H. Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremja. SPb.: Akademicheskij prospekt, 1999. 350 s.
2. Zhukovskaja T.N., Dubrovskaja N.V. Blagorodnyj pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete (1817-1830 gg.): organizacionnaja struktura i povsednevnoj zhizn' // Klio. 2017 (10). S. 57-65.
3. Zhukovskaja T.N., Kazakova K.S. Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoj polovine XIX veka. Moskva: Novyj hronograf, 2018. 576 s.
4. Kosachevskaja E.M. Mihail Andreevich Balug'janskij i Peterburgskij universitet pervoj chetverti XIX veka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1971. 272 s.
5. Kosachevskaja E.M. N.A. Markevich (1804-1860). L.: Izd-vo LGU, 1987. 286 s.
6. Majofis M.L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815 - 1818 godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 800 s.
7. Petrov F.A. Rossijskie universitety v pervoj polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovanija: v 4 kn. Kn. 2, ch. 2: Stanovlenie sistemy universitetskogo obrazovanija v Rossii v pervye desjatiletija XIX veka. M., 1998. 388 s.
8. Rozhdestvenskij S.V. Pervonachal'noe obrazovanie S. Peterburgskogo universiteta 8 fevralja 1819 goda i ego blizhajshaja sud'ba // S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego dejatel'nosti. 1819-1919. Materialy po istorii S.-Peterburgskogo universiteta. T. 1. 1819-1835. Red. S.V. Rozhdestvenskogo. Pg., 1919. S. III-CXLVII.

9. Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv. RGIA. F. 733. Op. 20. D. 185: Delo ob uchrezhdenii pri Glavnom Pedagogičeskom institute dvorjanskogo pansiona. 22 ijunja 1817 g. 10 fevralja 1818 g. 95 l.
10. Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom). RANRO IRLI RAN. F. 488 (N.A. Markevich). Op.1. D. 82: Dnevnik N. A. Markevicha. 1817-1820. 123 l.
11. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T. 1. 1802-1825. SPb., 1864. 1864 stb.
12. Solov'ev D.N. Pjatidesjatiletie Sankt-Peterburgskoj Pervoj gimnazii. SPb.: Tipografija 2-ogo otdelenija E.I.V., 1880. 424 s.
13. Uvarov S.S. Gosudarstvennye osnovy / Sost., predisl. i komment. V. B. Trofimovoj. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 608 s.

Поступила в редакцию 28.11.2020.

Принята к публикации 01.12.2020.

Для цитирования:

Пустовойт И.С. Открытие университетского Благородного пансиона в Санкт-Петербурге: уступка сословности или пропаганда учености? // Гуманитарный научный вестник. 2020. №11. С. 136-142. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/11/PustovoitI.pdf>